

ГЛАВА I.

Понятие переводческой эквивалентности

Перевод является видом целенаправленной деятельности, отвечающей определённым оценочным критериям. С древних времён переводчики в поисках наиболее подходящего решения возникающих трудностей отдавали предпочтение тому или иному варианту перевода и порой оформляли такие предпочтения в виде списка требований, которым должен отвечать хороший перевод.

Правила, упомянутые в подобных предписаниях, выводились из переводческой практики и сами по себе не могли вызывать возражений. Но они затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты перевода и нередко имели взаимоисключающий характер. Для объяснения фактов реального процесса перевода была необходима серьёзная научная база.

Известно, что в момент своего становления наука о переводе воспринималась как прикладная область языкознания. Поэтому изменения во взглядах на сущность языка открывали новые перспективы и в понимании процесса перевода. К числу наиболее важных открытий, изменивших традиционное представление о языке, а вместе с ним и о переводе, было учение швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра о дихотомии языка и речи. Согласно учению Соссюра, язык состоит из двух диалектически связанных сторон — системы языковых знаков и правил их комбинирования и речи, под которой понимается использование языковых знаков для целей общения.

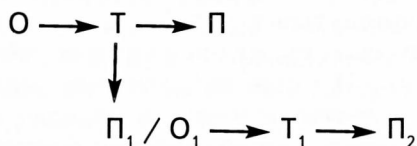
Понимание языка как средства общения позволило расширить бытовавшее ранее представление о переводе. Отныне, как и в любом лингвистическом исследовании, речь идёт не о формулировании правил, которым должен был следовать переводчик, а об изучении соотношения языковых и речевых единиц в процессе перевода. Иными словами, теория перевода теперь стала носить не предписывающий, а описательный характер [9. С. 109–110].

При таком подходе подверглась изменению и природа предъявляемых к переводу требований. Главным среди них стало установление «переводческой эквивалентности», под которой понималось, и понимается теперь, как можно более полное сохранение

содержания исходного текста в тексте перевода. Перевод, не отвечающий этому требованию, теряет свою сущность.

У сторонников различных направлений науки о переводе имеется своё представление о сущности перевода и, как следствие, своя трактовка эквивалентности [21. С. 76–81]. В данном пособии мы опираемся на понятие эквивалентности, предложенное авторами коммуникативной модели перевода. Согласно их воззрениям, перевод представляет собой акт межъязыкового общения, при котором на основе исходного текста создаётся вторичный текст, заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [21. С. 75].

Сущность коммуникативной модели можно представить в виде следующей схемы:

Отправитель «О» порождает исходный текст «Т», предназначенный для получателя «П». Переводчик, выступающий в двойной роли, получателя P_1 и отправителя O_1 , переводит исходный текст и направляет текст перевода T_1 получателю P_2 .

Звено $O \rightarrow T$ обозначает коммуникативное намерение отправителя или цель общения. В лингвистической литературе для именования этого понятия используется термин «языковая функция».

Языковых функций шесть:

- денотативная, передача содержательной информации о деноте или обозначаемом, то есть отображаемом в языке сегменте окружающего мира;
- экспрессивная, передача информации об отношении отправителя к обозначаемому;
- фатическая, поддержание контакта между отправителем и получателем;
- командная, предписания и команды;
- металингвистическая, анализ самого языка, используемого в общении;
- поэтическая, акцент на выборе формы сообщения.

Звено $T \rightarrow P$ воспроизводит коммуникативный эффект, то есть результат общения, соответствующий его цели. Этим результатом может быть понимание содержательной информа-

ции, восприятие экспрессивного, фатического, командного и других аспектов текста. Степень коммуникативного эффекта зависит от знания предмета сообщения и общих фоновых знаний получателя.

Такова первичная коммуникация, то есть общение в пределах исходного языка. Перейдём ко второй части схемы, где воспроизводится вторичная коммуникация, то есть перевод, трактуемый как акт общения между исходным и переводящим языками.

Переводчик выступает в двойном качестве: как получатель исходного текста Π_1 и отправитель текста перевода O_1

Звено $O_1 \rightarrow T_1$ соответствует отрезку $O \rightarrow T$ в контуре первичной коммуникации, обозначающем коммуникативное намерение отправителя O , и отражает одно из принципиальных положений коммуникативной модели перевода. Действительно, речь идёт о той основе, на которой происходит сопоставление исходного и переводящего языков. В исходном языке цели общения выражаются посредством своих, присущих только ему языковых средств. В задачу переводчика входит отыскание лексических и грамматических единиц, которые используются в переводящем языке для выражения тех же самых целей общения.

Звено $T \rightarrow \Pi_1$ коммуникативной цепочки обозначает отношение переводчика, выступающего как получатель Π_1 , к исходному тексту T . Имеется в виду степень влияния мировоззрения переводчика, его вкусов, знакомства с предметом и т.п. на принимаемые им решения. Тема весьма интересная, но в круг нашего рассмотрения не входит.

Схему переводческого процесса завершает звено $T_1 \rightarrow \Pi_2$, обозначающее отношение получателя текста перевода Π_2 к тексту перевода T_1 . Выше отмечалось, что при переводе сопоставляются не только два языка, но и две культуры. То, что получателю оригинального текста понятно, может, по причине межкультурных различий, вызвать непонимание у получателя текста перевода. В задачу переводчика поэтому входит не только отыскание языковых средств, необходимых для передачи коммуникативной установки отправителя, но и предоставление получателю текста перевода необходимых пояснений, когда на пути правильного восприятия целей общения стоят межкультурные различия.

Так в общих чертах выглядит схема, отражающая представление о переводе как акте межъязыкового общения [21. С. 145–147].

В рамках коммуникативной теории перевода было разработано несколько моделей переводческой эквивалентности. Мы следуем в русле функционально-семиотической модели, предложенной А.Д. Швейцером. Согласно этой концепции, переводческая эквивалентность имеет два измерения — одномерное горизонтальное и вертикальное иерархическое [21. С. 91, 95].

Горизонтальный ряд представлен различными видами эквивалентности. Необходимость в упоминании видов эквивалентности объясняется тем, что само по себе понятие эквивалентности утверждает лишь наличие некоторых отношений между исходным текстом (ИТ) и текстом перевода (ТП). О каких именно отношениях идёт речь остаётся неясным. Виды эквивалентности уточняются путём указания на конкретные свойства оригинала, которые должны быть сохранены в тексте перевода. В свою очередь, вертикальное измерение отражает степень полноты эквивалентности.

Для решения конкретных задач учебного курса перевода нами с привлечением упомянутой модели была разработана авторская концепция эквивалентности, которую можно представить в виде следующей схемы:

Дадим некоторые пояснения. В приведённой схеме эквивалентные отношения между исходным текстом и текстом перевода устанавливаются с учётом трёх взаимосвязанных признаков. Это отношения между языковыми знаками, характер содержания исходного сообщения, сохраняемый в конечном сообщении, и многочисленные межъязыковые операции, которые совершаются для достижения переводческой эквивалентности вопреки расхождениям в формальной и семантической системах двух языков [2. С. 190].

Напомним, что в семиотике различаются три вида отношений — семантическое отношение (отношение между знаком и тем, что он обозначает (денотатом)), отношение между самими знаками (синтактика) и отношение между знаком и пользователем (прагматика).

Прагматические отношения объединяют, с одной стороны, отправителя и текст, а с другой — текст и получателя. На их основе выделяются ключевые для перевода элементы — коммуникативное намерение (цель общения) отправителя исходного текста и соответствующий этой цели коммуникативный эффект, под которым понимается требование о сохранении в тексте перевода коммуникативного намерения отправителя и надлежащем учёте различий в объёме фоновых знаний получателей исходного текста и текста перевода, обусловленных дифференциацией культур.

Такая трактовка содержания оригинала, подлежащего сохранению при переводе, позволяет выделить два вида эквивалентности — функциональную и межкультурную. С учётом шести упомянутых выше языковых функций, при определении видов функциональной эквивалентности, можно говорить об эквивалентности денотативной, экспрессивной, фатической, командной, металингвистической и поэтической. Всего, таким образом, выделяются семь видов эквивалентности — денотативная, экспрессивная, фатическая, командная, металингвистическая, поэтическая и межкультурная [4. С. 345–355].

В процессе общения ключевую роль играет денотативная функция, определяющая семантические аспекты перевода. Вместе с тем коммуникативная установка отправителя иногда выдвигает на первый план не денотативную функцию, а другую, скажем, экспрессивную или металингвистическую. Поэтому функциональная эквивалентность, помимо обозначения результата коммуникативного акта, соответствующего его цели, выполняет важную роль фильтра, определяющего функциональную доминанту переводимого сегмента текста [21. С. 94].

В связи со спецификой исходного и переводящего текстов, реальная практика перевода часто не допускает максимальной передачи всего коммуникативного содержания оригинала. Обеспечить стопроцентную эквивалентность поэтому удаётся не всегда, и определённые потери неизбежны. Иными словами, речь идёт о степени полноты эквивалентности, для выражения которой используется понятие **адекватности** перевода. Если эквивалентность ориентирована на цели перевода и в этом отношении является идеальным конструктом, то адекватность связана с конкретными условиями протекания переводческого процесса и отражает его оптимальный результат.

Как следствие, принимаемое переводчиком решение нередко носит компромиссный характер. Так, в популярном американском мюзикле *My fair lady*, созданном по мотивам комедии Б. Шоу «Пигмалион», профессор Хиггинс заставляет Элизу распевать песенку *The rains in Spain fall mainly in the plains*. Цель этого упражнения состоит в том, чтобы научить её правильно произносить дифтонг *ei*, который в произношении Элизы звучит как *ai*, выдавая её происхождение из лондонских низов. Передать ту же установку средствами русского языка невозможно. Поэтому в русском переводе мюзикла Элиза произносит скороговорку «Карл украл у Клары коралл», цель которой состоит в том, чтобы научить Элизу труднопроизносимым сочетаниям звуков. В результате утрачивается важный социально оценочный компонент оригинала, но перевод в целом может быть признан как адекватный [21. С. 96].

В приведённой схеме для графического выражения понятия адекватности перевода используется иерархическая система уровней эквивалентности. В ней существует следующая закономерность: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях. Так, эквивалентность на формальном уровне предполагает эквивалентность на уровнях компонентном, ситуативном и цели общения. Ситуативная эквивалентность подразумевает эквивалентность и на уровне цели общения. Обратной зависимости не существует. Компонентная эквивалентность может существовать без формальной, ситуативная — без компонентной, а цели общения — без ситуативной и, разумеется, формальной. Отступление от иерархии уровней эквивалентности приводит к нарушениям переводческой нормы, получившим название **буквального и вольного перевода** [21. С. 87].

Буквальный перевод связан с нарушением отмеченной выше закономерности, согласно которой эквивалентность на любом из уровней предполагает эквивалентность на всех вышестоящих уровнях. Можно сказать, что буквальный перевод является переводом недостаточно «преобразованным».

Опасность буквализма, проистекающего из недооценки тех или иных требований переводящего языка, состоит в том, что он может полностью исказить смысл исходного высказывания, причём обнаружить такую ошибку бывает нелегко. Вот один из примеров, взятый из книги Н. Галь:

You are the only woman I have ever loved.

Ты единственная женщина, которую я когда-либо любил.

«Выходит совсем нелепо, — комментирует этот буквализм автор, — как будто говорящий любил давно и уже успел разлюбить. А надо бы просто: “До тебя я никогда никого не любил”» [7. С. 80].

В терминах приведённой выше схемы эквивалентности ошибку переводчика можно охарактеризовать так: переводчик довольствуется уровнем формальной эквивалентности, не замечая, что в данном случае эквивалентное отношение между английским и русским высказываниями устанавливается на уровне цели общения.

Вольный перевод выступает антиподом буквального. Если буквальный перевод недостаточно преобразован, то вольный перевод является излишне преобразованным. Переводчик может позволить себе отход от подлинника лишь в том случае, если это диктуется нормами переводящего языка. Неоправданный отход от подлинника ведёт к тому, что переводчик выходит за круг своих обязанностей и выступает в несвойственной ему роли автора текста.

Ярким примером такого превышения своих полномочий было творчество талантливого русского переводчика XIX века И. Введенского, о котором К.И. Чуковский в своё время писал: «Если Диккенс говорит: “она заплакала”, Введенский считает своим долгом сказать: “слёзы показались на прелестных глазках милой малютки”. Встречая у Диккенса слово “приют”, он непременно напишет: “приют, где наслаждался я мирным счастьем детских лет”. Никто не станет отрицать у Иринарха Введенского наличие большого таланта, но это был такой неряшливый и разнузданный (в художественном отношении) талант, что многие страницы его переводов — сплошное издевательство над Диккенсом» [19. С. 96].

Поясним на примерах иерархию уровней эквивалентности и переводческие операции, совершаемые для установления эквивалентных отношений. С учётом ограниченного объёма пособия, ориентированного на цели начального этапа обучения переводу, иерархия уровней эквивалентности в пособии устанавливается для трёх её видов — денотативной, экспрессивной и межкультурной. Вертикальная структура других видов эквивалентности не рассматривается.

Обсуждение переводческих операций следует начать с упоминания о необходимости отличать способ от метода перевода. Способ — это основное правило достижения поставленной цели, которое отражает объективно существующие законы действительности. Метод обычно решает частную задачу, он помогает преодолеть трудность, возникающую в процессе перевода.

Есть два возможных способа перехода от одного языка к другому. Во-первых, прямо от слова, то есть знака одного языка, к слову или знаку другого языка, и, во-вторых, окружным путём — сначала от знака одного языка к обозначаемому или предметной ситуации и только после этого к знаку в переводящем языке. В литературе два названных способа перевода именуются по-разному. Первый из них мы будем называть **дословным**, а второй — способом **перевыражения смысла** [12. С. 91–94].

В приведённой модели эквивалентности уровень, отражающий передачу максимального объёма содержания исходного текста, называется формальным. При установлении денотативной эквивалентности на формальном уровне используется первый из названных способов перевода — достаточно осуществить подстановку одних знаков другими, например:

The results were disastrous.

Результаты были катастрофическими.

Метод перевода заключается в нахождении требуемого переводческого соответствия. Под переводческими соответствиями понимаются единицы переводящего языка, регулярно используемые для перевода данной единицы исходного языка. Дело в том, что лексические языковые единицы обладают относительно устойчивым значением, а типовые предметные ситуации в языках, являющихся членами одной языковой семьи, в нашем случае индоевропейской, оформляются посредством аналогичных синтаксических конструкций. Поэтому предметные значения определённых слов в исходном тексте регулярно

передаются посредством одних и тех же единиц переводящего языка. Слово *result* при переводе разных текстов разными переводчиками передаётся словом «результат», а *disaster* — словом «катастрофа» [9. С. 166].

Формальный уровень имеется у всех названных видов эквивалентности. Уровни, следующие за формальным, у разных видов эквивалентности устанавливаются на основе разных признаков. Общим для них всех является способ перевода — пере-выражение информации, предназначенной для её сохранения в тексте перевода. Исходное высказывание и его отдельные компоненты подвергаются всевозможным преобразованиям. При этом термин «переводческое преобразование» используется в переносном смысле. На самом деле речь идёт о замене в процессе перевода одной формы выражения другой [21. С. 118].

На уровне, следующем за формальным, изменяется грамматическое оформление высказывания, тогда как набор образующих его семантических компонентов остаётся прежним. Поэтому данный уровень денотативной эквивалентности называется компонентным:

The doctor has been sent for.
За доктором послали.

В этом примере при сохранении того же набора семантических компонентов страдательный залог заменяется действительным.

Следующий уровень называется ситуативным. На нём известные сдвиги происходят не только в грамматической, но и в семантической структуре высказывания. Это связано с тем, что разные языки один и тот же сегмент внеязыковой действительности могут описывать по-разному. На ситуативном уровне появляются новые методы перевода. Речь идёт о более сложных приёмах, затрагивающих как грамматическую структуру высказывания, так и его лексическое наполнение:

Fear reduced him to stunned whiteness.
От страха он потерял дар речи и побледнел как полотно.

Словосочетание *stunned whiteness* не имеет соответствия в русском языке. При описании той же предметной ситуации в нём оно называет другие её признаки («потерял дар речи» и «побледнел как полотно»), связанные с исходным логическим отношением смежности понятий. Состояние оглушённости, ошеломления, передаваемое английским *stunned*, нередко сопро-

вождается потерей дара речи, а понятие «белизны» является смежным по отношению к понятиям «бледность» и «полотно». Такой приём называется метонимическим переводом. Среди других характерных для ситуативного уровня методов передачи смысла оригинала можно назвать генерализацию, конкретизацию и антонимический перевод.

Высшее место в иерархии уровней денотативной эквивалентности занимает уровень цели общения. Так, при переводе фразы *I wish you many happy returns of the day* русским «Поздравляю с днём рождения» их общей составляющей является только коммуникативная цель отправителя — желание поздравить с днём рождения. Перевод осуществляется методом истолкования смысла оригинала. Всё остальное — предметная ситуация, набор семантических компонентов и грамматическое оформление высказывания — полностью изменяется. Уровень цели общения обозначает ту точку отхода от оригинала, за которой перевод утрачивает свою сущность и приобретает вид реферирования, пересказа и других аналогичных видов межъязыкового общения.

В предлагаемой схеме экспрессивная эквивалентность состоит из двух подвидов — эмотивной эквивалентности и эквивалентности эмфатической, имеющих одинаковые уровни. Для краткости изложения в данном разделе мы рассмотрим структуру уровней только эмотивной эквивалентности. Как и в случае с денотативной эквивалентностью, при установлении эквивалентности эмотивной низшее место занимает формальный уровень. Перевод на нём осуществляется путём установления соответствий, в том числе посредством калькирования. Калька допустима, если исходный образ достаточно понятен для русского получателя и вызывает у него те же чувства, что и у получателя исходного текста:

Although the economy will slow from a gallop to a trot the chances are that America's luck will hold.

Хотя экономика перейдёт от галопа к рыси, вероятно, фортуна всё же не отвернётся от Америки.

Использование переводческих соответствий может привести к эмоциональной перегруженности или, наоборот, снижению экспрессивной оценки обозначаемого, неприемлемой в переводящем языке. В связи с этим возникает необходимость в переводческих преобразованиях, позволяющих снизить или, наоборот, повысить экспрессивный фон подлинника, и, как следствие,

в переходе на более высокий уровень эмотивной эквивалентности, именуемый нами «квантитативным», от английского *quantity* — количество.

Выбор этого термина объясняется стремлением подчеркнуть характер содержания оригинала, сохраняемого в переводе. Общим для двух текстов является наличие экспрессии, а переменной величиной — изменение её количественной характеристики. Методы перевода на упомянутом уровне заключаются в использовании иных, чем в оригинале, выразительных средств, а также в применении широкого круга трансформаций, присущих ситуативному уровню денотативной эквивалентности.

Наглядным примером служат высказывания с так называемыми стёртыми метафорами, то есть метафорами, во многом утратившими свою первоначальную образность. При использовании в тексте перевода соответствия и сохранении того же образа русскоговорящий получатель может воспринимать подобную метафору как необычное и яркое выразительное средство, что не соответствует коммуникативной установке отправителя. Более правильным решением будет применение русской стёртой метафоры, близкой к английской метафоре по смыслу, но основанной на другом образе:

The fly in the ointment, in the opinion of the US presidential chief of staff, Donald Regan, was the president's wife Nancy Reagan, who had insisted that she should consult her husband on different aspects of his work. По мнению главы президентской администрации Дональда Ригана, ложкой дёгтя в бочке мёда было стремление жены президента Нэнси Рейган давать советы мужу по разным вопросам, связанным с его работой.

Сохранение в переводе неизвестного русскому получателю образа мухи, попавшей в елей, привело бы к неоправданному повышению эмотивной экспрессии, которая в оригинале имеет вид лёгкой иронии. Поэтому английское *the fly in the ointment* передаётся аналогичной по смыслу русской стёртой метафорой «ложка дёгтя в бочке мёда».

На третьем, высшем уровне эмотивной эквивалентности, как и в случае эквивалентности денотативной, общей составляющей исходного и переводящего текстов является цель общения, то есть экспрессивная оценка обозначаемого. Необходимость в переходе на этот уровень возникает в тех случаях, когда дословный перевод позволяет передать лишь денотативное значение оригинала, но не его экспрессивную коннотацию.

Ошибка переводчика, вызванная дословной передачей иронических выражений, используемых в противоположном значении, лежит в основе анекдота о русской женщине, которой в английском суде предъявлено обвинение в краже курицы. Протесты возмущённой обвиняемой «Всю жизнь мечтала!» и «Нужна мне ваша курица!» переводчик воспринимает буквально и переводит их соответствующим образом: *It is my lifetime's dream, I needed your hen badly*. Узнав о приговоре, осуждённая восклицает: «Здравствуйте, я ваша тётя!», — о чём переводчик тут же сообщает судье: *Your honor, the defendant claims to be your close relative*.

Естественно, подобная ситуация воспринимается только как шутка. Не разобраться в ней и, как следствие, оказаться в затруднительном положении вряд ли мог бы даже начинающий переводчик. Тем не менее следует признать, что экспрессивный компонент оригинала иногда действительно может оказаться незамеченным, а в том случае, если его присутствие достаточно очевидно, подчас бывает нелегко найти приемлемый вариант перевода. Такая ситуация нередко возникает при передаче метафор, не имеющих аналогов в русском языке. Найти решение помогает метод поясняющего перевода:

In 1986 the price of oil plummeted from \$30 to \$10 a barrel, and Texas quaked in its oversized boots.

В 1986 году после обвала цен на нефть с 30 до 10 долларов за баррель экономика Техаса, целиком зависевшая от нефтяного сектора, испытала сильнейшее потрясение.

Образ, выражаемый английским метафорическим оборотом *Texas quaked in its oversized boots*, в русском тексте едва ли может быть сохранён. Поэтому он опускается, а экспрессивное значение английской фразы передаётся с помощью поясняющего перевода, в котором используются усилительное наречие «целиком», форма превосходной степени прилагательного «сильный» — «сильнейшее» и экспрессивно окрашенное словосочетание «испытала потрясение».

Вследствие различий в исходных знаниях восприятие одного и того же текста представителями разных культур может быть не одинаковым. Задача переводчика поэтому состоит не только в том, чтобы в полной мере донести до русскоговорящего получателя коммуникативное намерение автора, но и обеспечить установление межкультурной эквивалентности.

Вертикальная структура этого вида эквивалентности также начинается с низшего формального уровня. Это бывает в тех

случаях, когда упоминаемые в оригинале явления культуры присутствуют и в культуре переводящего языка или хорошо известны получателю текста перевода:

The legislature cannot easily remove the government, short of impeachment.

Законодательный орган может сменить правительство не иначе как через процедуру импичмента.

Юридический термин *impeachment*, обозначающий в американском варианте английского языка решение палаты представителей о возбуждении в Сенате дела по снятию с должности президента, получил у нас широкое распространение после уотергейтского скандала, когда со своего поста был снят президент Ричард Никсон. Слово «импичмент» зафиксировано в словарях, хорошо известно русскому читателю и поэтому воспроизводится в русском тексте без каких-либо пояснений методом транскрипции.

К следующему уровню межкультурной эквивалентности, именуемому «понятийным», относятся связанные с культурой понятия, которые наряду с общими чертами имеют ряд отличительных признаков. Лексические единицы и словосочетания, выражающие такие понятия, не имеют соответствий в переводящем языке. Для их нахождения применяются те же методы перевода, которые уже упоминались применительно к ситуативному уровню денотативной эквивалентности, а именно генерализация, конкретизация, метонимический перевод.

I came to Warley on a wet September morning with the sky the gray of Guisseley sandstone.

В Уорли я приехал дождливым сентябрьским утром. Небо казалось высеченным из серого песчаника.

Словосочетание *Guisseley sandstone*, по-видимому, вызывает у английского читателя конкретные образные ассоциации и вполне ему понятно. Русский читатель, знающий, что такое песчаник, вряд ли представляет себе, как выглядит песчаник именно в местечке Гейзли. Для того чтобы вызвать у него сходную реакцию, в переводе используется метод генерализации. Он состоит в том, что родовое понятие *Guisseley sandstone* заменяется более общим, видовым понятием «серый песчаник», которое хорошо ассоциируется с образом осеннего неба и позволяет не только преодолеть отмеченное межкультурное различие, но и сохранить экспрессивный эффект подлинника [20. С. 244].

Третий, высший уровень именуется «дескриптивным», то есть описательным. На нём передаются понятия, отсутствующие

щие в культуре переводящего языка и не имеющие в ней близких аналогов. На этом уровне преобладает поясняющий перевод:

Managerialism gained momentum during the 1980s and 1990s.

Реформа государственной службы продолжалась в 80-е и 90-е годы.

Понятие *managerialism*, характерное для системы государственной службы в Великобритании, едва ли будет понятно широкому русскому читателю. Поэтому следует признать правильным решение переводчика, использующего парафразу «реформа государственной службы».

Подводя итог сказанному о переводческой эквивалентности выше, её для наглядности можно сравнить с представлением древних о вселенной, согласно которому Земля, находящаяся в центре мироздания, покоится на трёх китах. Действительно, подобно Земле, категория «эквивалентность» также занимает центральное место в переводоведении, а в роли «трёх китов» выступают:

1) принцип сохранения в тексте перевода содержания исходного текста,

2) горизонтальный ряд, представленный видами эквивалентности,

и

3) понятие степени полноты эквивалентности, находящей своё отражение в системе её иерархических уровней.

Вопросы для повторения

1. Что вы знаете о базовых семиотических и лингвистических понятиях, используемых для описания собственно переводческих явлений, в частности понятиях языкового знака, значения и смысла, компонентного состава лексического значения, языка и речи, предложения и высказывания?
2. В чём заключается сущность коммуникативной модели перевода?
3. Как в рамках коммуникативной модели перевода определяется понятие «переводческой эквивалентности»?
4. Какие есть виды и уровни эквивалентности?